

ИЗ КНИГИ "ФРАГМЕНТЫ СЧАСТЬЯ" (2002 г.):

Тысячеустое "Любишь?" — "О, да!"
множилось тысячекратно.
Я никогда, никогда, никогда
не возьму те слова обратно.

Пусть умерла на ладошке звезда,
но то, что была — отратно.
Вы никогда, никогда, никогда
не возьмёте себя обратно.

Ах, какая луна шальная...
Ночь, поистине, так нежна.
Я грешна, я дурна, я знаю.
Я порою себе страшна.

Но глаза поднимаю к звёздам, —
среди множества душ и тел
Бог меня вот такую создал.
Что он этим сказать хотел?

Нам этот мир от века свыше дан.
В нём каждый камень дышит наслаждением.
Там Дафнис любит Хлою, а Тристан
спешит обнять Изольды тонкий стан,
и Пушкин помнит чудное мгновенье.

Порою мир нам этот шлёт послов,
которых мы не узнаём при встрече, —
тех, кто нас любит искренно, вне слов.
А мы, пуская дом любви на слом,
тот мир в себе, неузнанный, калечим.

Как был хорош он, зряшный мир вчерашний,
как в вечность распахнувшаяся дверь.
Казалось, ничего уже не страшно!
Или напротив — страшно всё теперь.

В тайгу души я отправляюсь в ссылку,
в её глубины, недра, глухомань.
Любви моей предтеча, предпосылка
проглянет сквозь мистический туман.

Мне помнится: то зелено, то вьюжно,
тяжёлых звёзд рассыпано драже...

Всё было так прекрасно, так ненужно,
как никогда не будет мне уже.

Прощаю мира суетную бренность.
Прощаюсь с вещей музыкой дождя.
Как нищему, Вам подаю на бедность
свою любовь, навеки уходя.

Прощаю все потери и напасти.
Прощаю этот сумрак голубой.
И, кажется, я сотворяю счастье
из тьмы всего, что составляет боль.

Мы сошлись на дорожке узенькой,
как нашлись посреди тайги.
Я — твоя волшебная бусинка.
Не теряй меня, береги!

Звёзд восторженное качание
кружит голову, как "клик".
От земли я давно отчалила,
а до неба всё далеко.

Утоли этот голод яростный,
эту жажду родства в крови.
Утони, как мятежный парусник,
в океане моей любви.

Будет дом. Не свеча, а лампочка.
Не луна, а орех в фольге.
Я — твоя домашняя тапочка.
В самый раз тебе по ноге.

В незнакомом подъезде на лестнице
ты меня целовал, обнимал.
Относился ко мне, как к прелестнице,
ничего во мне не понимал.

Знала, знала, отныне не сладить нам
с тем, что пело в груди и жглось.
Мои руки на лестнице гладил ты.
Помнишь? С этого всё началось.

У счастливой любви не бывает стихов.

А.Кушнер

У счастливой любви не бывает стихов?
Как я счастлива Вас опровергнуть!

У меня их — как в поле цветов, как грехов,
всяких-разных, пусть даже и скверных.

Фотовспышками строчек ловящих момент,
передать его прелесть бессильных...
Вспоминается кстати любимый фрагмент
из любимого старого фильма.

Там девчонка кружилась рассветной порой,
и струилась вода дождевая.
"А ведь так не бывает!" — кричал ей герой.
"Нет, бывает, — смеялась. — Бывает!"

Опустошенье, как после любви,
от целого дня на воле.
Как больно от каждой кровинки травы,
от каждой берёзки в поле.

Природа — избыток, в её пустоте
тону, не умея слиться.
Душе неуютно, она нигде.
Ей голо, как в небе птице.

Мне нужен домик для каждой тоски,
природою непобедимой.
Себя, разнесённой весной на куски,
так трудно собрать воедино.

Воробышек

По небу летели птицы.
Они кричали, галдели.
А люди, задравши лица,
балдели: "Грачи прилетели!"

А рядом воробышек сизый.
Не улетал никуда он.
Чирикает над карнизом,
непризнанный и неожиданный.

Бесстрашный аника-воин,
взъерошенный серый чёртик.
Не более ли достоин
и чести он, и почёта?

Не ищет он лёгкой жизни.
Не хочет, хоть терпит муку,
сменять нелюбовь отчизны
на щедрую ласку юга.

И радуюсь необъяснимо
я этой неброской масти.
И верится, что хранимы,
что тоже осилим зиму,
дождёмся тепла и счастья...

Липки

Всё на свете подделка и липа
по сравнению с этим до слёз
ностальгическим садиком Липки,
тех, что всех ностальгичней берёз.

По аллеям бреду, как по следу,
ухожу в его жизнь, как в запой.
Ну куда я отсюда уеду?
Разве можно расстаться с собой?

В этот сад мы все по уши влипли.
Сколько б времени ни утекло -
расточает улыбки нам Липки,
разливая по душам тепло.

Словно хочет напомнить с укором
позабытый из детства мотив.
Не даёт мне уехать мой город,
на смерть Липками прилепив.

Зима

Всё, что заснежено, остужено —
вельможным кажется, чужим.
Как заторможенно, контуженно,
замедленно плетётся жизнь.

Как кружево судьбы ажурное
под томный голос Адамо...
Оцепенелыми дежурными
деревья стынют у домов.

Зима опустит саван-занавес,
всё погребая в белой мгле...
Но март начнёт спектакль заново
для уцелевших на земле.

Всё обнажит, что замуровано,
откроет бездну мёрзлых тайн.
Я всё ещё начну по-новому.
Весна, отдай меня, оттай!

Улица так тиха,
что слышно, как бьётся сердце.
Как будто в забытый храм
сейчас откроется дверца.

Знакомый дом-теремок,
крылечко, резные ставни...
У горла застыл комок,
и ноги ватными стали.

Как будто я снова — та,
и всё будет, как и прежде...
Улица так пуста,
что нет никакой надежды.

Я взобралась на вершину себя,
как на высотное зданье.
Небо ночное простёрлось, слепя, —
апофеоз мирозданья.

Буду отстаивать вахту мечты,
Божьи послания слушать,
вечность отстаивать от суеты.
Буду отстаивать душу.

Как небу — буря, человеку — страсть, —
последняя возможность не пропасть,
а выплеснуться, выкричатся всласть.
И если буря — это неба вздох,
душа — вздох мира, чтобы он не сдох.
Да, черти в ней гнездятся, но и Бог!

В небесных морях и на суше
я вижу одну свою душу.
Смотрю, как бурлит и осмеливается.
Хочу, чтоб была белее
залитого бледности мелом лица.
И всю, как в муке, в той муке
швыряю всем встречным в руки.
И ей ничего не делается!

Пусть будет всё, что было не с тобою,
что в тайных генах бредило в крови.
Пусть будет горечь, наслажденье болью,
потери, бури, ненависть в любви.

Пусть будет всё, чего боялась смутно,
подспудных мыслей отгоняя тень.
Хоть миг прожить беспутно, безрассудно,
отдав все годы за единый день!

Пусть будут страсти, пропасти, напасти,
в звериной пасти кануть, пасть на дно, —
безудержный порыв навстречу счастью,
навстречу жизни, смерти, всё равно...

Всю жизнь свою, прорвавшую тенёты,
в одно мгновенье выкричав навзрыд,
родиться снова птицей для полёта,
всему и вся объятия раскрыв.

Пройдя сквозь злую обречённость века,
туннели мук, которых не избыть,
впервые превратиться в человека
ценой того, чтоб перестать им быть.

Обрастаю книгами —
хлебными ковригами,
вкусными, хрустящими,
суть в себе таящими.

День бежит потоком с кручи,
и намучит, и наскучит,
а дойду до перевала —
начитаюсь до отвала!
И хмельной бессонной ночью
мир увидится воочью...

Обрастаю книгами —
тяжкими веригами,
в прошлое ведущими,
жизнь мою крадущими.

День бежит потоком с кручи
всё быстрее, бурнее, круче.
Я же с книжкой под мышкой —
в подземелье серой мышкой.
Среди книжных дней и ночек
жизнь застряла между строчек.

Пусть судьба-насмешница
преподносит фигу мне —
всё равно я, грешница,
обрастаю книгами!

Одной надеждой меньше стало —
одною песней больше будет.

А.Ахматова

Шагреновая кожа творчества!
Гляжу, сама себе не рада,
как на листке тетрадном корчится
моя отравы и отрада.

Жизнь за окном переливается
цветами неоренессанса,
а у меня переливается
в метафоры и ассонансы.

О творчество, страна Дурмания,
ты — суррогат, зараза, мизер!
Как мне избавиться от мании
жизнь подменять игрою в бисер?

Когда глазами в звёздах тонем мы,
их отраженья множат воды.
Жизнь и поэзия — синонимы?
Антонимы и антиподы!

О творчество, твоё могущество
оплачено большою кровью.
Ты сотрясаешь души ждущие,
как ветер сотрясает кровли.

Непостижимо и таинственно
сомнамбулическое слово
ведёт тропинкою единственной
за дудочкою крысолова.

Грозою распахнуло форточку.
Полынью пропитался воздух.
Чем хуже жизнь — тем лучше творчеству.
Чем ночь темней — тем ярче звёзды.

Надежды — вдрызг, удача — побоку,
но живы чудные виденья.
Идёшь по жизни, как по облаку...
О наважденье заблужденья,

что только разрешусь от бремени, —
и мир в стихе моём нетленном
предстанет неподвластным времени,
пронзительным и просветленным.

Страны и дома добровольный пленник,
гляжу в окно на сцену бытия,
на тот спектакль, что без копейки денег
даёт сегодня улица моя.

Идёт спектакль, бесхитростный и чистый,
на пяточке, лучами залитом.
И все кругом — народные артисты,
играют жизнь, не ведая о том.

Раскроет память старые блокноты,
с души сдувая пепельную пыль.
Из одиночной за полночь ноты
родится фантастическая быль.

Рванусь, срывая связки и суставы,
пронзая песней толщу облаков,
иль, может быть, не вытянув октавы,
паду костями своих черновиков.

Но верится, что из ночных видений,
из-под руин заоблачных дворцов,
сплетенья теней, сказочных владений,
из всех моих хотений и радений
проступит жизни чистое лицо.

Стихи — мои дочки и сыновья,
излюбленные до дна.
Моя многочисленная семья,
что Богом была дана.

Спасибо, что это хотя б сбылось,
а то бы — подумалось вновь —
о сколько б детей породить пришлось,
чтоб вылюбить всю любовь!

Неисправимый интроверт,
гляжу на свет воды зеркальный,
где отраженья звёздных черт
неотличимы от реальных.

А масло в роковой руке
уже плеснуло у трамвая,
и жизнь, отлитая в строке,
лежит и смотрит, как живая.

Жизнь не отоваришь —
хлопоты бесплодные.
Варишь, варишь, варишь...
Глядь — опять голодные.

Только с плеч гора лишь —
вновь в быту погрязла я.
Моешь и стираешь,
смотришь — снова грязное.

А порой отступишь
от постылых правил сих —
любишь, любишь, любишь...
И опять понравился!

В моей жизни — жирным курсивом —
всё, что связано с той зимой.
Слава богу, что некрасивый —
тем вернее ты будешь мой.

Пусть кривой, глухой, хромой —
лишь бы мой!

Иных миров благая весть
витала над умами.
И звёзды, все, что в мире есть,
стояли над домами.

О вечных таинств торжество,
предвосхищенье рая!
Но на рассвете волшебство,
как звёзды, умирает.

Всё разрешится — се ля ви! —
ночной горячкой речи:
всю ночь шептать слова любви
и — не узнать при встрече.